

- ⁹⁴ *Gatrell P.* The Tsarist Economy. 1850–1917. N.Y., 1986. P. 231.
- ⁹⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 2. С. 270.
- ⁹⁶ *Медушевский А.Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 5.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ *Миронов Б.Н.* Модернизация имперской России... С. 153.
- ⁹⁹ *Шанин Т.* Революция как момент истины. 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. М., 1997. С. 40.
- ¹⁰⁰ *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 87.
- ¹⁰¹ *Шанин Т.* Указ. соч. С. 40.
- ¹⁰² *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 315.
- ¹⁰³ *Буховец О.Г.* Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) / Отв. ред. Л.В. Милов. М., 1996. С. 192.
- ¹⁰⁴ *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1991. С. 46–49, 88.
- ¹⁰⁵ См.: *Hasegawa Ts.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle; L., 1981. P. 98.
- ¹⁰⁶ *Ibid.* P. 314.
- ¹⁰⁷ *Хаймсон Л.* Рабочий класс в революционных процессах. Россия в XX веке // Историки мира спорят. М., 1994. С. 107.
- ¹⁰⁸ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 55.
- ¹⁰⁹ *Миронов Б.Н.* Системный кризис в России в царствование Николая II – факт или артефакт? // Император Николай II и его время // Под ред. В.В. Алексеева и др. Екатеринбург, 2008. С. 39.
- ¹¹⁰ *Куликов С.В.* «Революции неизменно идут сверху...» Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. Т. 11. С. 161.
- ¹¹¹ Там же. С. 178.
- ¹¹² *Иорданский Н.И.* Военное восстание 27 февраля // Молодая гвардия. 1928. № 2. С. 170–171.
- ¹¹³ Эта тема более подробно представлена в дискуссии, ведущейся (с участием Б.Н. Миронова) на сайте «Клиодинамика» (<http://cliodynamics.ru>) и на страницах альманаха «История и математика».

© 2011 г. Д. Н. БЕЛЯНИН*

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН В СИБИРЬ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

В 1990 – начале 2000-х гг. в отечественной исторической науке появились альтернативные оценки итогов столыпинских реформ. Особое внимание историков закономерно вызывает при этом переселенческая политика правительства П.А. Столыпина. В отечественной историографии еще с 1930–1950-х гг. прочно утвердилось мнение о полном ее провале. При этом в качестве аргументов выдвигалось как снижение численности переселенцев в 1910–1911 гг., так и массовое возвращение их обратно. В числе первых эти аргументы привел еще в начале XX в. В.И. Ленин¹. В дальнейшем апелляция к высокому проценту обратных переселенцев стала типичной для отечественных историков. Так, по подсчетам А.Я. Авреха, в 1906–1916 гг. из-за Урала возвратилось более 0.5 млн человек или 17.5% переселившихся². Аналогичную оценку дал Л.Ф. Складов³. Е.И. Соловьева сделала вывод, что в результате столыпинской переселенческой политики произошло обострение аграрного кризиса, охватившего

* **Белянин Дмитрий Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент Кузбасского государственного технического университета (Кемерово).

Сибирь. Доказательная база вывода – «громадный упадок числа переселенцев, начиная с 1909 г., и невероятный рост обратного движения» со ссылкой на труды Ленина⁴. Менее категоричным в оценках был новосибирский историк-аграрник И.В. Островский, усмотревший положительные моменты в сокращении прямых переселенцев (подготовительные работы стали более качественными)⁵.

Иную оценку предложил известный историк-аграрник В.Г. Тюкавкин, который, отказавшись от вывода о крахе столыпинской переселенческой политики, оценил ее итоги как «внушительные» и отметил, что «большое значение имело постоянное увеличение темпов переселения с 1911 г.»⁶. Многие сибирские исследователи в последние годы фактически также отказались от ленинской оценки краха столыпинской переселенческой политики⁷.

Следует отметить, что научно обоснованный критерий, какой именно процент обратных переселенцев следует считать большим, отсутствует. Так, исследовавший процесс колонизации Тобольской губ. П.П. Вибе оценил цифры за 1896–1914 гг., когда из этого региона по официальным данным обратных переселенцев было около 16%, как достаточно высокие⁸. Иное мнение высказали некоторые германоязычные исследователи 1980–1990-х гг. Например, швейцарский историк К. Шписс, германские исследователи Д. Ландграф и Л. Деег не считали переселенческую политику Столыпина провалившейся, поскольку основная часть колонистов все же закрепилась на новом месте⁹.

Отдельные исследователи в своих трудах смогли искусственно «повысить» процент вернувшихся из Сибири мигрантов. А.М. Анфимов «переселенцев и ходоков сложил вместе», полагая, что «достаточно рассмотреть обобщенные показатели». По его данным, за 1906–1909 гг. за Урал прошли 2,3 млн человек, в среднем по 565 тыс. в год, а за 1910–1914 гг. – 1,5 млн человек, в среднем по 300 тыс. в год, т.е. темп переселений снизился вдвое. Вывод Анфимова: это снижение предвещало провал всего грандиозного предприятия¹⁰. Насколько корректен такой подход? Ходоки ехали в Сибирь совсем не для того, чтобы остаться там навсегда. Они должны были осмотреть земли в Сибири, зачислить землю на понравившемся участке или приселиться к старожильческому селению, а затем вернуться в губернию выхода за семьей или для окончательного устройства своих дел перед переселением. Поэтому их возвращение – явление нормальное. Заметим, что данные по ходокам отличаются большой неточностью. Так, при подсчете обратных ходоков в Томской губ. в 1908 г. выяснилось, что число возвращающихся было в полтора раза выше, чем прибывших (44 378 против 28 964). Это несоответствие объяснялось тем, что не все прибывавшие в Сибирь ходоки регистрировались на переселенческих пунктах по прибытию, а вот на обратном пути регистрировались почти все в надежде получить путевую ссуду¹¹. Кроме того, далеко не каждый ходок впоследствии становился переселенцем. Например, в 1908 г. из Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губ. вернулись 61 809 ходоков, из них 19 050 зачисляли за собой земельные участки и приписывались к старожильческим селениям¹². По данным Л.М. Горюшкина, под видом ходоков в Сибирь часто приезжали крестьяне-отходники из Европейской России¹³, которые занимались неземледельческими промыслами и никакого намерения водворяться в Сибири не имели. Поэтому придавать решающее значение факту массового возвращения ходоков из Сибири нельзя.

В системе подсчета переселенцев также были недостатки. Правительственные структуры учитывали прямых и обратных переселенцев только в Челябинске и Сызрани. Как заметил Г.А. Ноздрин, недостатком такой системы было то, что не регистрировались переселенцы, прибывшие в Сибирь по грунтовым дорогам, не учитывались переселенцы, шедшие в Степной край через станцию Кинель. Часть крестьян вообще ускользнула от регистрации, так как ехала в Сибирь по «дорогому» тарифу¹⁴. Следует отметить, что обратные переселенцы практически всегда ехали по переселенческим документам, а, значит, попадали в официальную статистику. Недостатки системы учета самовольных переселенцев были отмечены в монографии Тюкавкина. Переселенцев приходилось считать «на глазок», по головам, по числу отпущенных обозов на

переселенческом пункте, так как летом ежедневно приходило по 2–10 тыс. человек¹⁵. Нередки были случаи, когда семейные переселенцы брали свидетельства ходоков и везли остальных членов семьи по «дорогому тарифу». В числе прибывших в первом полугодии 1907 г. в Томскую губ., таких было 30%¹⁶. Таким образом, численность прямых переселенцев, фактически прибывших в Сибирь, должна быть скорректирована в сторону увеличения, а выехавших обратно – уменьшена.

Проанализируем данные, представленные в таблице 1. Значительный подъем среди обратных переселенцев приходится на 1910–1911 гг., затем наступает резкий спад, продолжавшийся практически до начала Первой мировой войны. Это сокращение обратного переселения после 1911 г. очевидно: в 1911 г. обратных переселенцев было 61.3%, 1912 г. – 28.5, 1913 г. – 18.9, а в 1914 г. – всего 11.4%. Если принять в качестве главного индикатора не проценты, а абсолютные показатели, та же тенденция будет видна еще более отчетливо. В 1911 г. численность возвращающихся из Сибири крестьян составила 116 308 душ мужского пола, уже в 1912 г. это число сократилось более чем вдвое и достигло 57 319 душ. В 1913–1914 гг. произошло дальнейшее сокращение сначала до 45 478 душ мужского пола, затем до 27 594. Эти показатели уже вполне сопоставимы с показателями 1907–1908 гг.

Наличие такого спада позволяет утверждать, что увеличение обратных переселенцев в 1909–1911 гг. – не тенденция, а временное, преходящее явление. Между тем многие исследователи 1950–1980-х гг. проигнорировали этот факт. Например, в фундаментальном труде Горюшкина отмечена только тенденция роста обратных переселенцев в 1909–1911 гг. с 13 до 60%. Далее следует вывод, что «переселенческая политика самодержавия зашла в тупик»¹⁷. Использование абсолютных, а не относительных показателей вообще создает совершенно иное восприятие обратного движения. В 1910 г. число возвращающихся составило 114 893, а в 1911 г. – 116 308 человек. Как видим, фактическое увеличение составило всего около 1.5 тыс. человек, хотя в процентах увеличение выглядит весьма внушительно – с 36.3 до 61.3%.

Абсолютное большинство обратных переселенцев давали так называемые самовольные переселенцы, которые приехали в Сибирь на свой страх и риск, без оформления официальных документов и предварительного зачисления за собой земли. Значительная часть таких переселенцев ехала в Сибирь наудачу, под влиянием слухов о «сказочном» богатстве сибирского региона или о плодородии алтайских черноземов. Факт возвращения именно самовольных переселенцев отметил еще Столыпин¹⁸. В сметных предположениях на 1912 г. по Томскому району также отмечалось, что самовольные переселенцы дают главный контингент возвращающихся¹⁹. Например, в 1910 г. из 6 324 вернувшихся на родину из Томского района семей таких было 5 006²⁰. Из числа обратных семейных переселенцев в 1908 г., возвращавшихся из Алтайского округа, проходные свидетельства имели 2 843, а 5 089 душ переселялись самовольно²¹. Для них переселение в Сибирь имело оттенок авантюры.

По имеющимся в нашем распоряжении данным, процент водворенных переселенцев, покидавших свои наделы с целью обратного переселения, был относительно невелик. Из общего числа водворенных в 1911 г. 226 257 душ покинуло свои участки с целью возвращения на родину только 20 656²², что составляет менее 10%. Из числа опрошенных в 1911 г. 1 383 переселенческих хозяйств Каргатской волости заявили о желании покинуть свои участки 50 домохозяев, причем почти половина опрошенных (23) хотели перейти на другие участки, а остальные хотели бы вернуться на родину²³, что составляет около 1.95%. По данным С.М. Сидельникова, в 1911–1915 гг., в среднем по четырем сибирским губерниям свои наделы покинули 10.5% переселенцев, в Акмолинской области – 12.9%, а в целом по Азиатской России – 11.1%²⁴. Причем в это число вошли не только те, кто хотел уехать обратно, но и те, кто хотел переводвориться в других местностях или даже в других губерниях.

В контексте анализа обратных переселений нельзя обойти стороной выяснение причин возвращения крестьян из Сибири. Островский в числе главных причин назвал направление переселенцев в районы, в которых сельскохозяйственные условия резко

Переселение крестьян в Азиатскую Россию в 1906–1915 гг.*

Годы	Выехало за Урал переселенцев, душ мужского пола	Переехало обратно переселенцев		Водворилось на переселенческих участках и в старожильческих селени- ях переселенцев, душ мужского пола
		душ мужского пола	%	
1906	139 064	13 659	9.8	44 778
1907	427 339	27 195	6.4	207 981
1908	664 777	45 102	6.8	275 193
1909	619 320	82 287	13.3	245 319
1910	316 163	114 893	36.3	232 453
1911	189 791	116 308	61.3	226 957
1912	201 027	57 319	28.5	156 530
1913	240 978	45 478	18.9	152 897
1914	241 874	27 594	11.4	135 018
1915	27 651	10 089	36.5	50 295
1906–1915	3 067 984	539 924	17.6	1 727 421

* Составлено по: РГИА, ф. 391, оп. 6, д. 76, л. 200–200 об.

отличались от привычных для них²⁵. Однако уже на стадии образования переселенческих участков топографы рекомендовали заселять их только выходцами из определенных губерний. Данные об этом есть в протоколах заседаний временных комиссий по утверждению переселенческих участков, которые имеются во многих региональных архивах Сибири. Например, участок, выделенный из юго-восточной части Тахталинской казенной дачи (Тюменский уезд) был признан пригодным только для выходцев из северо-западных и северных губерний Европейской России²⁶. Хуторской переселенческий участок Родионовский (Ялуторовский уезд) рекомендовался для выходцев из Минской, Могилевской и Витебской губ.²⁷ Переселенческий участок Ивановский (Ялуторовский уезд) был признан пригодным для заселения выходцами из степных губерний Европейской России²⁸. Эти данные показывают, что чиновники Переселенческого управления, напротив, стремились направить переселенцев в привычные для них природно-климатические условия. Другое дело, что среди переселенцев видное место занимало «самоустройство» без участия властей²⁹.

Если исходить из приводимых Скляровым данных, то наибольшее число обратных переселенцев дал район Сибири, отличавшийся самыми лучшими землями – Алтай. В годы столыпинских переселений с кабинетских земель вернулось 125 048 человек из 537 901, что составило 23.2%³⁰. Эти данные позволяют усомниться в том, что причины обратных переселений следует искать в плохих почвенно-климатических условиях. Имеет смысл говорить, что значительная часть крестьян самовольно, часто на удачу и без оформления необходимых документов, иногда под влиянием каких-то слухов ехала на Алтай для устройства на лучших черноземах Сибири. Часть таких крестьян стремилась приселиться к старожилам по приемным приговорам или в ходе землеустройства, другие хотели устроиться на переселенческих участках. На практике устройство по приемным приговорам было слишком дорогим, переселенческих участков на Алтае для всех не хватало, а до окончания землеустройства многие переселенцы, проживавшие как «полевовщики», подвергались жестокой эксплуатации со стороны старожилов. В неурожайные 1910–1911 гг. единственным выходом для многих таких вольных переселенцев стало возвращение.

Следует заметить, что в 1906–1914 гг. в числе обратных мигрантов были и такие, кто переехал в Сибирь еще до начала столыпинских переселений. В конце XIX в. крестьяне испытывали огромные трудности для получения официального разрешения на переселение в Сибирь, но еще большие трудности их ожидали, если они желали вернуться обратно. Многие крестьяне-переселенцы, подававшие ходатайства об обратном

переселении, получали отказы или были вынуждены столкнуться с большим количеством бюрократических проволочек. Обратный переселенец должен был получить положительную рекомендацию на обратное переселение от местного крестьянского начальника, от Казенной палаты и от губернатора той губернии, куда он хотел вернуться. Тот, в свою очередь, должен был выяснить, согласно ли общество на возвращение этого крестьянина, может ли он рассчитывать на получение земельного надела и т.п. Подобная усложненная процедура обратного переселения отнимала массу времени на ведомственную переписку и далеко не всегда заканчивалась для крестьян разрешением на обратное переселение. Так, в ответ на прошение об обратном переселении крестьянина Г.И. Королева, водворенного в 1895 г. в пос. Новомихайловском, из канцелярии Курского губернатора пришел ответ, что указанный крестьянин на родине имущества не имеет, его общинный надел сдан односельчанами в аренду на 6 лет, а само общество принять обратно этого крестьянина не хочет. Поэтому и.д. Курского губернатора просил Томского губернатора ходатайство отклонить³¹. Этот пример не единичен³².

Отчасти подобный бюрократизм был следствием излишнего патернализма со стороны государства. В результате возникла ситуация, когда желавшие переселиться обратно крестьяне были стеснены в своих устремлениях. Как итог, уже к 1906 г. в Сибири проживала часть переселенцев, которые хотели, но не могли вернуться. Ситуация после 1906 г. заметно изменилась, поскольку была введена полная свобода переселений, в том числе и обратных. Катализатором обратного переселения для многих мог стать и неурожай, охвативший некоторые районы Азиатской России в 1910–1911 гг.

Проанализируем данные таблицы 1 по динамике движения в Сибирь прямых переселенцев. Первое, на что следует обратить внимание, это наличие повышательных и понижательных волн в переселенческом движении. Повышательная тенденция пришла на 1906–1909 гг., понижательная наступила в 1910–1911 гг. и в 1912–1914 гг. произошло новое повышение. Увеличение численности прямых переселенцев в 1912–1914 гг. как минимум не подтверждает вывод о «крахе» переселенческой политики в 1910–1911 гг. Обратим внимание, что даже в 1911 г. численность проследовавших в Сибирь крестьян все же была выше, чем в 1906 г.

Причины подъема в 1906–1909 гг. очевидны: введение льгот и особенно открытие для переселенцев кабинетских земель на Алтае. Причины снижения в 1910–1911 гг. следует анализировать более подробно. Несмотря на неточность официальной статистики, резкое сокращение прямого движения переселенцев с 619,3 тыс. в 1909 г. до 316 тыс. в 1910 г. налицо. Это сокращение новосибирские историки Д.Я. Резун и М.В. Шиловский справедливо охарактеризовали как «обвальное падение»³³. Но является ли оно аргументом, доказывающим крах столыпинской переселенческой политики? Могло ли переселение крестьян в Сибирь стабильно и постоянно расти или хотя бы все время держаться на той же отметке, что и в 1908–1909 гг.? Безусловно нет. Рано или поздно снижение численности прямых переселенцев должно было случиться. Какие вообще есть основания связывать сокращение прямых переселенцев с недоверием крестьян к столыпинской переселенческой политике? Традиционная историография не считала необходимым ставить этот вопрос. Были лишь отдельные попытки объяснить волюнтаризм столыпинских переселений.

Для более объективного анализа динамики движения прямых переселенцев в Сибирь в 1910–1911 гг. рассмотрим данные о них в динамике. Во-первых, многие исследователи не принимают во внимание, что правительство в 1907–1909 гг. стремилось сократить численность прямых переселенцев и ходоков. Подъем переселенческого движения в 1907–1908 гг. был настолько большим, что землеотводные партии не успевали готовить участки для всех желающих. В фундаментальном труде Складорова приведено несколько телеграмм сибирских губернаторов и заведующих переселенческими районами, в которых эти чиновники в начале весны 1907 г. просили приостановить выдачу свидетельств ходоков или закрыть эти районы для переселения. Уже 10 мая 1907 г. Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) предписало земским начальникам в Европейской России прекратить выдачу свидетельств до 1 июля³⁴. 5 июля

глава ГУЗиЗ в представлении Совету Министров предложил сократить переселение в виду недостатка свободных земельных участков. Планировалось начиная с 15 августа допускать посылку лишь групповых партий ходоков. Эти предложения были одобрены 13 июля 1907 г. Советом Министров³⁵. 13 марта 1908 г. было издано «Положение Совета Министров о порядке переселения за Урал в 1908 г.». Вторым пунктом этого положения было право главноуправляющего приостанавливать выдачу свидетельств на льготный и бесплатный проезд ходокам и переселенцам³⁶.

Даже в справочном издании для ходоков и переселенцев первой фразой было: «Правительство никого не приглашает на переселение». На последующих же страницах издатели не столько поясняли правила, сколько отговаривали крестьян от переселений, описывая различные трудности³⁷. В качестве иллюстрации можно привести в пример еще одно официальное издание Переселенческого управления «Переселение за Урал в 1908 году. Справочная книжка». Во вступительной части читаем, что жизнь переселенцев в Сибири «не легка», и, «заброшенные в глухую тайгу и пустынные степи», они ведут «тяжелую борьбу с суровыми сибирскими условиями». Во введении мы находим информацию, что «свободных переселенческих участков мало» и эти участки «не вполне удобны для хозяйства». Далее идет описание трудностей, с которыми могут столкнуться переселенцы в Сибири, после чего следует фраза, выделенная жирным шрифтом: «Вот почему правительство никого не приглашает переселяться, а заботится только о том, чтобы оказать возможную помощь решающимся на это трудное дело»³⁸. Неудивительно, что в конечном итоге произошло сокращение потока переселенцев, но только не в 1907–1908 гг., как рассчитывало правительство, а в 1910–1911 гг. Так можно ли считать его показателем провала переселенческой политики, если оно было задачей правительства?

Неудивительно, что правительство на снижение численности прямых переселенцев отреагировало достаточно спокойно, не считая, что переселенческая политика вообще переживает какой-то кризис. Например, Г.В. Глинка в 1910 г. отметил, что все сокращение переселенческого движения почти не отразилось на численности водворенных. Далее этот чиновник заметил, что если прямое движение сократится и в будущем году (т.е. в 1911, что в реальности и произошло), то такое сокращение мало повлияет на количество переселенцев, которых реально можно устроить³⁹. Столыпин снижение численности прямых переселенцев в 1910 г. охарактеризовал так: «Временно дана передышка», чтобы устроить в Сибири самовольно прибывших переселенцев, которые не зачислили за собой землю⁴⁰.

В 1910–1911 гг. государство действительно выделило значительную часть колониационного фонда для устройства «непричисленных». Подобная политика привела к тому, что для переселенцев и ходоков 1910–1911 гг. был оставлен лишь минимальный фонд. В этой ситуации они должны были либо ждать следующего года, либо возвращаться обратно. В 1910 г. для устройства самовольных переселенцев распоряжением главы ГУЗиЗ был передан весь колониационный фонд Томской губ., оставшийся свободным на 1 августа 1910 г.⁴¹ В 1911 г. специальный циркуляр ГУЗиЗ требовал от всех заведующих переселенческим делом в Тобольском, Томском, Акмолинском, Тургайско-Уральском, Семипалатинском и Семиреченском районах выделить в первую очередь фонд, необходимый для водворения временно проживавших переселенцев⁴². По Томской губ., например, на 1 января 1911 г. колониационный фонд насчитывал 85 168 свободных долей⁴³, порядка 60 тыс. из которых было предоставлено для устройства уже проживавших в губернии самовольных переселенцев⁴⁴. А для прибывавших ходоков в Томском районе было назначено всего 3 тыс. душевых долей⁴⁵. И в сметных предположениях на 1912 г. было отмечено, что благодаря расселению самовольных переселенцев в 1911 г. количество вселяющихся в губернию переселенцев не очень велико⁴⁶. Такое распределение колониационного фонда уже в начале 1911 г. означало, что даже для легальных переселенцев этого года колониационного фонда почти не оставалось. Таким образом, переселенцы 1911 г. фактически заранее обрекались на обратное переселение или на то, чтобы попасть в категорию не устроенных и ждать по-

явления свободных участков до следующего года. Поэтому и снижение числа прямых переселенцев, и рост числа обратных в 1911 г. были вполне закономерны.

Обратим внимание на еще один документ, где Переселенческое управление предложило губернаторам из Европейской России предупреждать ходоков и переселенцев, что в Тобольской губ. в 1911 г. недород, а потому крестьянам предпочтительнее переселиться «в следующем, 1912 г.»⁴⁷. Фактически, как только стали ясны масштабы неурожая в Западной Сибири (а это произошло в июне 1911 г.), были приняты «все меры к предупреждению наплыва новых переселенцев в Сибирь»⁴⁸. Распространение этой информации также стало одной из причин резкого снижения численности прямых переселенцев в 1911 г.

Другие причины сокращения потока переселенцев в 1910–1911 гг. уже упоминались в работах историков. Тюкавкин связал спад переселений с сокращением выхода крестьян из общины и с правительственными ограничениями⁴⁹. В более ранних своих работах он называл в качестве причины подъемов и спадов переселенческого движения циклы в развитии капиталистического производства. Промышленный подъем должен был оказывать замедляющее влияние на переселение, тогда как промышленный кризис, напротив, должен был стимулировать переселенческое движение. В 1906–1914 гг. экономическое развитие России прошло 2 этапа – промышленную депрессию 1904–1908 гг. и подъем 1909–1914 гг. В первый из этих периодов переселение было значительно больше, чем во втором⁵⁰. К.А. Пожарская считала причиной спада уменьшение колонизационной емкости Алтайского округа⁵¹. Д.Я. Резун и М.В. Шиловский в числе возможных причин назвали эпидемии чумы, занесенной в Сибирь с Дальнего Востока, а также холеры, свирепствовавшей в регионе как раз в 1910–1911 гг.⁵² В числе важных причин Шиловский выделил также опасения переселенцев встретить в Сибири прежние российские порядки (выкуп наделной земли), что было связано с заявлениями Столыпина о смене аграрной политики в регионе⁵³. Не вызывает сомнений, что все эти факторы также повлияли на сокращение притока переселенцев в Сибирь в 1910–1911 гг.

В дальнейшем всякие ограничения для переселенцев и ходоков были отменены. В августе 1912 г. ГУЗиЗ уведомил губернаторов, что в предстоящую осень посылка ходоков в Азиатскую Россию разрешается всем крестьянским обществам, товариществам и отдельным семьям крестьян и мещан-земледельцев. При этом ходокам был предоставлен льготный железнодорожный проезд в избранные местности и обратно⁵⁴. 12 июля 1912 г. было утверждено положение о порядке переселения за Урал. Теперь свидетельства должны были выдаваться всем крестьянам беспрепятственно как по месту причисления, так и по месту временного проживания⁵⁵.

Вопрос о причинах подъема переселений с 1912 г. затрагивался в некоторых работах отечественных историков. Например, Скляров указывал (со ссылкой на труды Ленина) на роль сильного неурожая в Поволжье. Но одним неурожаем подъем движения в 1912–1914 гг. объяснить нельзя. Например, в Северном Черноземье в 1912–1914 гг. не было значительного неурожая. Тем не менее, как видно из тех же данных Склярова, в 1911 г. из Севернечерноземного района переселилось в Сибирь 29 845 человек, в 1912 г. – 32 506, 1913 г. – 41 383, а в 1914 г. – 49 518 человек. По некоторым другим регионам также можно отметить увеличение числа переселенцев в 1912–1914 гг. Из Среднечерноземного района в Сибирь направилось в 1911 г. 35 084 переселенца, в 1914 г. – 44 238. Из южных Степных губерний в 1911 г. выехало на переселение 40 073 человека, а в 1914 г. – 69 048⁵⁶. В наиболее благодатный 1913 г., когда о неурожаях говорить не приходится, численность прямых переселенцев в Сибирь продолжала расти. В год начала Первой мировой войны тоже можно констатировать некоторое увеличение желающих переселиться в Сибирь, хотя фактически переселение шло только в первом полугодии 1914 г. Тюкавкин в качестве причины подъема прямых переселенцев в 1912–1914 гг. назвал отмену предшествовавших временных ограничений⁵⁷.

Движение ходоков и переселенцев в Азиатскую Россию в 1896–1905 гг.*

Годы	Прошло в прямом направлении		Прошло в обратном направлении		% обратных переселенцев
	переселенцев	ходоков	переселенцев	ходоков	
1896	178 276	11 886	19 602	5460	11
1897	66 588	17 037	14 236	9280	21.4
1898	143 934	52 860	16 693	29 151	11.6
1899	161 911	49 875	19 228	35 984	11.9
1900	159 532	51 434	40 074	33 989	25.1
1901	78 388	28 775	31 137	16 187	39.7
1902	75 333	27 482	23 005	18 745	30.5
1903	81 385	27 863	14 634	18 848	18
1904	29 920	4728	6190	3851	20.7
1905	28 890	3812	5458	2 134	18.9
Всего	1 004 157	275 752	190 257	173 629	21

* Составлено по: Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб., 1910. С. 62–63.

На мой взгляд, увеличение численности переселяющихся в Сибирь крестьян в 1912–1914 гг. показывает, что крестьянство Европейской России по-прежнему было заинтересовано в проведении переселенческой политики. Объективный и всесторонний анализ столыпинских переселений невозможен без изучения данных по переселению в предшествующий период (см. табл. 2).

Очевидно, что в 1896–1905 гг. наблюдались такие же резкие колебания подъемов и обвальных падений в движении переселенцев и ходоков. Если спад 1904–1905 гг. можно объяснить русско-японской войной, когда переселения как таковые почти прекратились, то резкие спады в 1897 и 1901–1903 гг. должны иметь иные причины. Заметим, что за 1896–1903 гг. резкие сокращения масштабов прямых переселений случались дважды. В 1897 г. по сравнению с предшествующим годом произошло точно такое же обвальное падение, как в 1909–1910 гг. Аналогичный обвал произошел в 1901 г.

Еще одна интересная деталь: снижение числа прямых переселенцев в 1896–1903 гг. практически всегда совпадало с увеличением числа возвращающихся из Сибири. То же самое произошло в 1910–1911 гг. Таким образом, наличие резких подъемов и спадов в переселенческом движении до начала столыпинских переселений имеет много общего с периодом 1906–1914 гг. Это подводит нас к выводу о наличии объективных закономерностей, которым подчинялось переселенческое движение в конце XIX – начале XX в. и которые обуславливали волнообразность миграционных потоков крестьян.

Продолжая сопоставление данных, заметим, что в 1896–1905 гг. численность прямых переселенцев была почти в 3 раза ниже, чем в 1906–1915 гг., хотя временной промежуток в обоих случаях одинаков – 10 лет. Процент обратных переселенцев в годы столыпинских переселений был несколько меньше, чем в предшествующее десятилетие (17.6% против 21). Решающим же индикатором для оценки столыпинской переселенческой политики являются данные по устройству переселенцев. Перемещение их за Урал было лишь этапом всего процесса, тогда как главной целью его являлось водворение новоселов. Заметим, что представленные в таблице 1 данные по водворению могут рассматриваться лишь как приблизительные, поскольку учет этого показателя далеко не везде был в удовлетворительном состоянии⁵⁸. Однако они все же отражают определенную тенденцию.

В данных по устройству новоселов мы не наблюдаем таких резких спадов и подъемов, которые были характерны для прямого или обратного движения переселенцев. Исключение составляют только 1906 г. и 1915 г., когда и количество прибывших в Си-

бирь, и количество устроенных крестьян было относительно невелико. В 1907–1911 гг. численность водворенных крестьян держится примерно на одной отметке. Видимо эта цифра в 200–275 тыс. водворяемых в течение года являлась неким максимумом, пределом возможностей переселенческих структур, коренившемся в ограниченности выделяемых средств, нехватке топографов и землемеров, и др. Если в качестве главного индикатора взять не число прибывших или убывших, а число устроенных переселенцев, то никакого кризиса переселенческой политики мы не заметим. По численности водворенных переселенцев сокращение наблюдается незначительное: с 245 319 в 1909 г. до 232 453 в 1910 г. и 226 957 в 1911 г. таким образом ни снижение численности прямых переселенцев в Сибирь, ни рост численности возвращавшихся в 1910–1911 гг. не доказывают, что столыпинская переселенческая политика потерпела крах. Правительством само настойчиво и целенаправленно блокировало избыточные переселения, рост же обратных переселенцев в эти годы был временным. Подобные подъемы числа возвращающихся из Сибири крестьян неоднократно наблюдались и в предшествующий период. Данные же по числу водворенных в Сибири новоселов показывают, что их количество в 1907–1911 гг. держалось примерно на одном уровне.

Примечания

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 23. С. 265–266.

² Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 89–90.

³ Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 459.

⁴ Соловьева Е.И. Переселение крестьян в Томскую губернию в период Столыпинской аграрной реформы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1956. С. 11.

⁵ Островский И.В. Аграрная политика в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 149, 158.

⁶ Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 251–252.

⁷ См.: Захарова Н.В. Колонизация Тобольской губернии в период Столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004; Сафронов С.А. Столыпинская аграрная реформа в Енисейской губернии (1906–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1996; Белянин Д.Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003.

⁸ Вибе П.П. Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989. С. 15.

⁹ Дорожкин А.Г. Столыпинская аграрная реформа в оценках современной германоязычной историографии // Отечественная история. 2006. № 2. С. 126–129.

¹⁰ Анфимов А.М. Новые собственники (из итогов Столыпинской аграрной реформы) / Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1996. С. 85.

¹¹ РГИА, ф. 391, оп. 3, д. 759, л. 55–56 об.

¹² Там же, ф. 1158, оп. 1, д. 300, л. 131–131 об.

¹³ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 234.

¹⁴ Ноздрин Г.А. Материалы обследований переселенцев и переписи населения в Сибири в дооктябрьский период // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1988. С. 126.

¹⁵ Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство... С. 225.

¹⁶ Государственный архив Томской области (далее – ГА ТО), ф. 239, оп. 1, д. 24, л. 1, 4.

¹⁷ Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 307.

¹⁸ Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб., 1911. С. 6.

¹⁹ ГА ТО, ф. 239, оп. 1, д. 57, л. 1а об.

²⁰ Обзор Томской губернии за 1910 г. Томск, 1912. С. 44.

²¹ РГИА, ф. 1158, оп. 1, д. 300, л. 130–130 об.

²² Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб., 1912. С. 18–19.

²³ РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 922, л. 75–76.

- ²⁴ Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. Сборник документов и материалов. М., 1973. С. 229.
- ²⁵ Островский И.В. Указ. соч. С. 157.
- ²⁶ Государственный архив Тюменской области, ф. и-49, оп. 1, д. 770, л. 2–2 об.
- ²⁷ Там же, д. 797, л. 1–1 об.
- ²⁸ Там же, д. 536, л. 1–1 об.
- ²⁹ ГА ТО, ф. 239, оп. 1, д. 24, л. 1 об., 2.
- ³⁰ Скляров Л.Ф. Указ. соч. С. 458.
- ³¹ ГА ТО, ф. 3, оп. 46, д. 518, л. 109–109 об., 112.
- ³² Там же, л. 18, 20, 22–22 об.
- ³³ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. С. 103; Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008. С. 16; Шиловский М.В. Столыпинское переселение в Сибирь: 1910-й – год «великого перелома» // От Средневековья к Новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. С. 135.
- ³⁴ Скляров Л.Ф. Указ. соч. С. 137.
- ³⁵ Сидельников С.М. Указ. соч. С. 193–197, 198–199.
- ³⁶ ПСЗ-III. Т. 28. Отд. 1. № 30152.
- ³⁷ Переселение за Урал в 1910 г. СПб., 1910. С. 3.
- ³⁸ Переселение за Урал в 1908 году. Справочная книжка с картою заселяемых переселенцами местностей и железных дорог Азиатской России. Вып. 41. СПб., 1908. С. 1–9.
- ³⁹ РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 3006, л. 178–178 об.
- ⁴⁰ Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Указ. соч. С. 6.
- ⁴¹ ГА ТО, ф. 239, оп. 1, д. 93, л. 7–8.
- ⁴² Городской архив Тобольска (далее – ГАТ), ф. и-580, оп. 1, д. 10, л. 46–46 об.
- ⁴³ ГА ТО, ф. 239, оп. 8, д. 89, л. 51–51 об.
- ⁴⁴ Государственный архив Алтайского края, ф. д-194, оп. 1, д. 291, л. 4–4 об.; Обзор Томской губернии за 1911 г. СПб., 1912. С. 45.
- ⁴⁵ ГА ТО, ф. 239, оп. 1, д. 47, л. 3–4.
- ⁴⁶ Там же, д. 57, л. 1а об.
- ⁴⁷ ГАТ, ф. и-580, оп. 1, д. 10, л. 125.
- ⁴⁸ Общие итоги переселенческой кампании 1911 г. // Вопросы колонизации. 1912. № 10. С. 379.
- ⁴⁹ Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство... С. 251.
- ⁵⁰ Тюкавкин В.Г. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX века // Ученые записки. Вып. XVIII (6). Иркутск, 1961. С. 25–26.
- ⁵¹ Пожарская К.А. Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация. Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. С. 69–70.
- ⁵² Резун Д.Я., Шиловский М.В. Указ. соч. С. 103.
- ⁵³ Аграрные преобразования и сельское хозяйство... С. 16.
- ⁵⁴ ГАТ, ф. и-580, оп. 1, д. 8, л. 222.
- ⁵⁵ Там же, д. 5, л. 15.
- ⁵⁶ Скляров Л.Ф. Указ. соч. С. 152–160.
- ⁵⁷ Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство... С. 232.
- ⁵⁸ ГАТ, ф. и-580, оп. 1, д. 10, л. 31, 72.